

I

Сладкое пламя гортань распирает.
Будто случайно оброненный кубок,
Земля ускользает.

Арм-Анн

Его шаги гулко отдавались в тишине, долго металась коридорами, ударяясь о невидимые в темноте стены.

Потом звук стал глуше — кожей лица он ощутил едва уловимое затхлое дуновение и ускори́л шаг.

Стены расступились. Свет уже не достигал их, хотя факел горел ровно и ярко. Сводчатый потолок тоже терялся во тьме.

Он бывал здесь немыслимое число раз. Откуда же снова это навязчивое ощущение чьего-то присутствия, разве не канули в землю те, чьи имена высечены здесь, на камне?

Факел выхватил из темноты неправильной формы колонну — тяжелую, приземистую. Поверхность ее казалась покрытой сетью замысловатых кружев.

Откуда знает лист на дереве, когда вырывать-ся из почки? Когда оборачиваться к солнцу, когда менять цвет и падать под ноги живущим? Разве

самый последний лист не продолжает веточку, не продолжает ветвь, не продолжает ствол, разве самый наипоследний листочек не есть посланец корней, которые и видеть-то дано не всякому?

Он провел рукой по избороздившим камень древним письменам.

«И воззвал могущественный Сам-Ар, скликая союзников, и был его рев подобен голосу больного неба, и были его слова горьки, как отравленная медь. Сзывал он детей своих под свое крыло, и племянников, и всех родичей, носивших огонь... И была великая битва, и пали под ударами Юкки дети его, и племянники, и родичи, исходящие пламенем... Огляделся Сам-Ар и увидел чудовищного Юкку, снова поднимающегося из воды... И сразились они, и солнце закрыло лик свой от ужаса, и звезды бежали прочь, и ветер, обожженный, ослабел и рухнул на землю... Непобедим был Сам-Ар, и одолевал уже он, но Юкка, да изведет проклятие его имя, исхитрился подлю и захлестнул в петли свои Сам-Ара, и увлек в пучину, и угасил пламя его, и обезоружил его. Так погиб могущественный Сам-Ар, и помните, потомки, чья кровь питает вас...»

Он читал с трудом — кое-где текст истерся, осыпался, хоть много веков его не касались ни солнце, ни дождь, ни ветер.

Надо решаться, подумал он устало. Все сроки прошли. Надо решаться, и то, что должно быть совершенно, да свершится.

«Чья кровь питает вас...»

Он обошел приземистую колонну кругом — на другой ее стороне высечен был рисунок — огромный, прекрасно сохранившийся: хлестали морские волны, поднималось из глубин отвратительное, вселяющее ужас чудовище, а над ним вился в небе огнедышащий дракон.

«Чья кровь питает вас...»

Надо решаться. Необходимо. Ведь это всего лишь ритуал, тягостный, но совершенно безобидный. Всего лишь ритуал.

Сквозь темноту он прошел к другой колонне, такой же массивной и бесформенной. Поднес факел, вглядываясь в знаки, символы, обрывки текстов...

«Дни... прославится... опустошает... имя Лир-Ира, сына Нур-Ара, внука... его преуспевание в промысле».

Преуспевание...

Обратный путь он проделал решительно, даже поспешно. Переходы замка были известны ему с колыбели, при случае он мог обойтись бы без факела — свет был необходим ему только для того, чтобы разбирать вырезанные на камне письмена.

В большой и пыльной комнате, где узкое окошко нехотя цедило серый свет, он погасил факел и подошел к большому надтреснутому зеркалу.

Надо решаться.

Явился из глубин памяти сладкий цветочный запах, потемнело в глазах, тугой волной накатила тошнота, и только отчаянным усилием воли ему удалось справиться с собой.

Проклятая слабость...

Он провел рукой по тусклой зеркальной поверхности, стирая толстый слой пыли.

Из мутной глубины на него глянул узколицый темноволосый человек, невысокий, худощавый, чем-то подавленный и удрученный.

Надо решаться.

Он снова провел ладонью — зеркало засветилось изнутри. Зарябили блики, цветные пятна, появилась большая лошадиная голова, потом копыто... Колесо повозки...

Подавшись вперед и нахмурившись, он вглядывался в сменяющие друг друга картины.

Много людей, суета... Похоже, ожидается праздник... Горы шляпных коробок... Карнавал, будет шляпный карнавал. Разукрашенные башни королевского дворца... Полотер с тряпкой, повара на кухне... Портьера... За портьерой паж бесстыдно задирает чью-то юбку... Снова кухня... Бальный зал... Девушки... Женщины... Какой галдеж!

«Примерьте, принцесса!» — зеркало донесло приглушенный обрывок разговора.

Принцесса...

Он прищурился.

Очаровательное юное создание, светлые кудряшки, круглые голубые глаза, пышное платье цвета бирюзы...

«Дивно, принцесса!»

Чьи-то руки водрузили на белокурую головку большую бархатную шляпку, голубую, нарядную, и на вершухе ее он разглядел декоративную лодочку под парусом.

Он стиснул зубы. Помните, чья кровь питает вас.

* * *

Шестнадцатилетняя принцесса Май отступила еще на шаг, тряхнула кудряшками и счастливо рассмеялась. Довольно улыбнулся шляпных дел мастер, благосклонно кивнули две портнихи, а горничная, с трудом удерживающая большое овальное зеркало, пробормотала под нос что-то одобряющее.

Бирюзовое с серебром платье облегало точеную фигурку принцессы мило и естественно, крохотные, расшитые драгоценностями туфельки дробно постукивали от радостного нетерпения, сияли ясные голубые глаза в дымке тончайшей вуали, а шляпа...

Шляпных дел мастер крикнул и в который раз удовлетворенно потер руки.

Шляпка маленькой принцессы Май обещала стать настоящим событием предстоящего шляпного карнавала. Изготовленная с замечательным

искусством, она изображала бурю на море — поверх широченных полей гуляли голубые бархатные волны с кружевными барашками пены на гребешках; одна волна, самая высокая, вздымалась над тульей, приподнимая рыбачью лодочку под белым накрахмаленным парусом, — крохотную, не больше табакерки. В лодочке боролся со стихией фарфоровый рыбак — присмотревшись, можно было сосчитать пуговицы на его куртке, терзаемой невидимым ветром. Когда Май покачивала головой, лодочка кренилась то вправо, то влево, колыбался парус, играли блески на поверхности бархатного моря, и у всех захватывало дух от мужества фарфорового рыбака.

— Дивно, принцесса, — сказала горничная. Ее товарки — а в просторной гостиной их было видно-невидимо — согласно закивали головами.

Маленькая Май совершенно не умела еще скрывать свои чувства — забыв, что принцессы приличествуют выдержка и достоинство, она принялась радостно и шумно кружить по комнате.

Сестра ее Вертрана, тоже принцесса, но двумя годами старше, усмехнулась снисходительно. Вертрана не уступала сестре в изяществе и миловидности, разве что кудряшки у нее были темнее, а нрав несколько серьезнее. Сейчас она примеряла восхитительное платье цвета чайной розы с маленьким бантиком на правом бедре и длин-

ные кружевные перчатки. На шляпе ее вели хоровод веселые поселяне — но не фарфоровые, а атласные, набитые ароматическими солями и расточавшие поэтому тонкий, изысканный запах, который вряд ли свойственен настоящим танцующим крестьянам.

— Я обожаю тебя, Верта! — Май, чуть не сбив с ног спящую вокруг сестры портниху, кинулась Вертрانه на шею и чмокнула ее в щеку так искренне, что фарфоровый рыбак едва не опрокинулся в бархатную пучину.

— Ах, Май. — И Вертрана снова снисходительно улыбнулась.

— Я обожаю тебя, Юта! — воскликнула Май и, оставив Вертрану, обвила руками шею своей самой старшей сестры, которая примеряла платье в углу возле дверей.

Та вздрогнула и отстранилась, одарив Май вымученной улыбкой.

Платье принцессы Юты было розовым, как младенец. Оно казалось коротковатым — подол болтался высоко над землей, открывая взорам большие, чуть косолапые ступни. Юта уставилась в зеркало тупо и мрачно — а из зеркала на нее тупо и мрачно взидала некрасивая долговязая девица, которой роскошное платье шло так же, как парчовый жилет балаганной обезьянке.

— Не сутультесь, принцесса, — деловито потребовала портниха.

Юта ответила ей тяжелым взглядом.

— Шляпку, ваше высочество, — почтительно предложил шляпных дел мастер.

Юта отвернулась.

Шляпка, впрочем, была совсем неплохая — она изображала поединок дня и ночи. Со стороны ночи мерцал черный бархат, усыпанный маленькими стеклянными звездами, со стороны дня трепетал лоскутками розовый шелк, и над всем этим покачивались на ниточках золотое солнце с иголками-лучами и перламутровая пуговица-луна.

— Отвратительно, — сказала Юта.

Мастер обиженно захлопал глазами:

— Но, принцесса, это же одобренный вами эскиз! Все... все в точности...

Веселая конопатая горничная с пучком железных шпилек во рту уже крепила шляпку к жестким Ютиным волосам.

Юта метнула безнадежный взгляд в зеркало — теперь поля скрывали половину лица, коротенькая вуаль свисала с кончика острого носа, а большой тонкогубый рот под ее бахромой кривился в презрительной гримасе.

— Может, убрать вуальку? — предположила конопатая горничная.

Портниха прищурилась оценивающе, одернула подол пышного розового платья:

— Вуальку надо погуще... Совсем густую, понимаешь? И длинную, до шеи...

Смышленная горничная закивала, едва сдерживая смех. Или Юте показалось?

Снова подскочила принцесса Май, радостно всплеснула руками, принялась трогать и луну, и солнце, укололась о золотой луч, расхохоталась:

— Юта, это чудо! Как здорово, какое у тебя платье!

Маленькая Май была наивна даже для своих шестнадцати лет. Вертрана поглядывала на Юту издали, вздыхала и поправляла бантик на правом бедре.

Юта между тем вертела шляпку так и сяк, на-двигала на лоб и натягивала на затылок, кусая губы и становясь от этого еще некрасивее. Горничные искоса переглядывались за ее спиной; ловя в зеркале их взгляды, она едва сдерживала злые слезы. Уродина. Как ни верти — уродина.

— Ваше высочество, — мягко начал мастер, но его дернули за рукав, и он растерянно замолк; кто-то в углу хихикнул тонко, на него за-шикали сразу несколько голосов. Юта покраснела, как рак.

— А ты не горбься, Юта, — издали посоветовала принцесса Вертрана. — Не грызи губы, не морщи лоб и не кривись так — тебе не к лицу...

Сестра ее развернулась резко, как на пружине:

— Зато тебе к лицу... Тебе к лицу эта... это...

Она так и не придумала, что сказать дальше. Горничные зароптали удивленно, Юта поверну-

лась на каблуках и выскочила из гостиной, хлопнув дверью.

Маленькая Май широко распахнула голубые глаза, которые тут же наполнились слезами.

— Зачем же... Портить себе праздник...

— И другим, между прочим, — негромко заметила Вертрана, снова поворачиваясь к зеркалу.

Три королевства существовали бок о бок вот уже невесть сколько веков, и, если верить летописям, войны между ними случались только дважды: первый раз, когда принц страны Контестарии похитил принцессу из соседней Акмалии и взял ее в жены без разрешения родителей, а спустя пару сотен лет второй раз — когда какой-то акмалийский жестянщик, подвыпив в трактире, оскорбил действием вертевшуюся под ногами кошку, которая, как известно, является геральдическим зверем королевства Верхняя Конта. В остальное же время три королевства сосуществовали тихо и мирно, время от времени заключая междинастические браки, так что все три королевских двора находились друг с другом в некотором родстве.

...Плескались на ветру флаги со свирепыми кошачьими мордами. Подготовка к шляпному карнавалу на какое-то время вытеснила все другие заботы. В этом году празднество устраивала Верхняя Конта, и Юта, слоняясь по дворцовым

переходам, то и дело натыкалась на своего отца — король метался, спеша отдать последние распоряжения, бормоча свое любимое ругательство — горрргулья... Взмокшая, раскрасневшаяся свита огибала Юту как нежелательное препятствие.

С минуты на минуту ожидалось прибытие августейших особ из сопредельных государств — Юте видно было из окна спальни, как впопыхах расстилаются ковровые дорожки на булыжнике дворцового двора, как выстраивается оркестр, сверкая до блеска начищенной медью. Мелькали в радостной сутолоке кудряшки Май, бирюзовое платье, шляпка со вздымающейся волной — маленькая принцесса деятельно включилась в предпраздничную суматоху.

Послonyaвшись по дворцу, постояв у книжного шкафа и повертев в руках до дыр зачитанный роман, Юта одернула злополучное розовое платье и направилась на половину матери.

В покоях королевы никого не оказалось. Открытым стоял клавесин, горкой громоздились на его крышке шляпные картонки, на ковре лежали забытые пальцы. Юта машинально подняла их — ее мать вышивала фрагмент легенды о похищении девушки драконом. Зеленый шелковый дракон был уже готов и извергал оранжевое пламя, а вот жертву его обозначали пока всего несколько стежков.

Не ведая зачем, Юта побрела в покои фрейлин.

Она шла и трогала лепные завитушки на стенах, вздыхала, пыталась достать до носа кончиком языка — благо коридоры были пусты и никто не мог определить, к лицу это Юте или не к лицу. Остановил ее доносящийся откуда-то негромкий разговор; Юта узнала голос матери и завертела головой, пытаясь определить, откуда слышится беседа.

— ...и в этом есть и наша вина, — со вздохом призналась кому-то королева.

Юта, помедлив, повернула на голос и оказалась в комнате, перегороженной тяжелой портьерой. Там, за бархатной стеной, королева выслушивала ответ своей собеседницы:

— Вряд ли, ваше величество. Вы не обделили ее ни заботой, ни любовью.

Сердце Юты на секунду остановилось, чтобы тут же забиться смятенно и беспорядочно.

— Звездочет утверждает, что весь день будет великолепная погода. — Фрейлина, похоже, пыталась направить разговор в другое русло.

Королева вздохнула громко и удрученно:

— Ах, дорогая... К ее лицу, к ее фигуре еще и скверный характер, раздражительность и упрямство... Придется посмотреть правде в глаза — она так никогда и не выйдет замуж.

Юта бесшумно повернулась и вышла в коридор. Пробегавший паж со шляпной коробкой испуганно от нее шарахнулся.

Нет, она не станет плакать. Тысяча горгулий! Если бы она ревела каждый раз по любому поводу...

Она брела дворцовыми коридорами, как слепая. Слезы комом стояли у нее в горле.

Во дворе радостно возопили трубы — августейшие гости наконец прибыли. Королевская чета из Акмалии с дочерью Оливией и престарелый король Контестарии с сыном...

Юта всхлипнула.

Сидя на траве в опустевшем дворцовом парке, она решила, что больше никому не испортит праздника. Она... уйдет навсегда. Прямо сейчас.

Ей стало немного легче.

Это была ее любимая игра — В-То-Что-Я-Ухожу-Навсегда. Юта играла в нее, когда на душе становилось совсем уж скверно.

Снова запели трубы. Юта поднялась и, сутулясь больше обычного, побрела к воротам.

Она отправляется в изгнание, она больше никогда не увидит мать, отца, Вертрану и Май. Она никогда не вернется в старый парк, хранящий воспоминания о ее детстве.

Сначала Юта шла довольно решительно, но, с каждым шагом все более проникаясь горечью своего изгнания, в конце концов совершенно искренне в него уверовала, растрогалась до глубины души и, пробормотав непослушными губами: «Мамочка, любимая, прости», разрыдалась в объ-